

УДК 930.1(47)

Д. А. Сафонов**Проблемы и сложности исторической регионалистики**

В статье анализируется ситуация с развитием исторической регионалистики в России на современном этапе. Автор выделяет ряд проблем, которые встают сегодня перед историками регионов. Предпринята попытка проанализировать причины возникновения таковых и способы их решения.

Ключевые слова: регионалистика, территориальные рамки исследований, концепция местной истории, проблемы, региональное сознание.

На протяжении всего периода существования советской историографической школы региональной историографии отводилась второстепенная роль — все сводилось к задаче подтвердить местным историческим материалом основные положения концепций, выработанных в центре. Мы далеки от стремления намеренно принизить научный вклад историков на местах в изучение проблем истории. Напротив, наиболее важным представляется сохранение преемственности в передаче знаний, но в сочетании с критическим использованием научного наследия предшественников, трудами ныне здравствующих исследователей. За несколько десятков лет советские ученые (в том числе и на региональном уровне) много и плодотворно работали над проблемами дореволюционной и постреволюционной истории России. Ими изучена, обработана и введена в научный оборот огромная, без преувеличения, масса архивных материалов, написаны десятки монографий и сотни статей. И хотя факты и материалы подавались в соответствии с принятыми правилами и в рамках устоявшихся конструкций, уже само их появление, даже в препарированном виде, заставляло задумываться над многими аспектами нашей давней и недавней истории [1, с. 28].

Изменения, произошедшие в стране в последние десятилетия XX века, не могли не сказаться на состоянии общественной мысли. Ушло в прошлое былое «духовное и политическое» единение. Несомненно наличие методологического кризиса, выйти из которого можно только объединением усилий исследователей академических центров и региональных историков.

Одним из возможных путей осмысления прошлого является рассмотрение истории России с точки зрения наличия в ней регионов — территорий, которые, составляя неразрывную часть страны, вместе с тем обладают политическими, хозяйственными, национальными, культурными и религиозными особенностями. Тем более что региональная наука — так называемый региональный компонент — уверенно входит в школьные общеобразовательные программы. Более чем очевидно, что ни один учебник, ни одна монография не способны дать подобную и адекватную картину прошлого всех уголков нашей необъятной России. Это обстоятельство, кстати, не всегда учитывалось отечественной историографией. И сегодня многие ведущие исследователи академических центров Москвы, Санкт-Петербурга продолжают утверждать, что полноты историографического или исторического анализа (даже в рамках одного региона) нельзя достичь без связи с работами так называемого основополагающего плана. В известной мере это верно. Идеи, становившиеся концептуальными, рождались (и рождаются), как правило, в центре. На уровне регионов они либо получают свое подтверждение, как это было в

© Сафонов Д. А., 2014

недавнем прошлом, либо опровергаются, как это наблюдается, правда нечасто, в настоящий период. Более того, в отдельных регионах явно недостаточной была база историографического анализа — крупные работы там появлялись редко, а тезисы, материалы конференций, отдельные статьи и публикации в журналах были известны достаточно узкому кругу специалистов.

В настоящее время ситуация меняется. В регионах появляются обобщающие работы, авторы которых (удачно или нет, вопрос отдельный) пытаются показать свое видение тех или иных аспектов местной истории, формируются исторические школы. Задача сегодняшнего дня, на наш взгляд, заключается в том, чтобы довести или хотя бы приблизить региональные исследования к уровню центральных. Понятно, что это невозможно без выделения и разрешения тех основных проблем, которые, как нам представляется, вообще стоят перед историками регионов.

Отметим эти проблемы. Одна из них — определение территориальных рамок регионов: границы регионов (субъектов Федерации) сегодня, пятьдесят, сто и более лет назад нередко не совпадают. Отсюда сразу же возникает принципиальный вопрос: что именно должна изучать региональная история: историю территории в ее историческом развитии или же историю в пределах настоящих границ? В первом случае возможна неизбежная «экспансия» в сферу интересов соседнего региона, во втором — нередко заметное сужение объекта исследования. Достаточно привести в качестве примера «Оренбургский край», который воспринимается и как синоним современного субъекта «Оренбургская область» (оренбургские авторы), и как южная часть Башкирии (историки Башкирской АССР и современного Башкортостана), и как северная часть Казахстана (историки Казахской ССР и современной Республики Казахстан), и как Заволжье (самарские авторы) [2, с. 20—21].

Между тем вопрос о границах достаточно важен — поскольку, по логике вещей, они должны косвенно доказать, что территория (район, регион и т.п.), о котором идет речь, обладает некоторой «особостью» в том аспекте, который является предметом исследования.

Нужно признать, что уже устоявшиеся в литературе понятия, например «Южный Урал», «Сибирь», «Поволжье» и т.п., — понятия общепринятые, но никем специально не конкретизируемые, а используемые и воспринимаемые как некая данность. Между тем понятия эти — географические. Судя по всему, историки убеждены в том, что в географической науке вопросы районирования решены давно и окончательно. Полагаем, серьезной неожиданностью для историков будет ознакомление с ситуацией в географической науке относительно районирования. Нам встретилось упоминание в вузовском учебнике регионоведения о существовании более 50 категорий, по которым в различных направлениях географии (экономическая, политическая, культурная и т.д.) выделяются регионы [3, с. 23—24].

И все же значительно чаще историки ориентируются на административные границы. Определенный резон в этом есть: существующие административные границы очерчивали зону, в пределах которой формировались внутренние экономические связи, неизбежно стабилизовавшие таковую. Как скоро это происходило, вопрос иной; главное — возникает основа для оценки территории как единого региона. В тех случаях, когда в определенных в исследовании хронологических рамках границы региона не менялись, вопрос решается относительно просто. А вот если это происходило, то неизбежно выплывала задача «состыковки» получаемых результатов.

Весьма важным условием мы полагаем фактор, на который указывают и регионоведы, — наличие так называемого «регионального сознания». Трактовать его можно по-разному — как схожесть мышления, ценностных ориентиров, наличие «регионального патриотизма» и т.п. Но когда оно формируется? Вероятно, в каждом конкретном случае в свое время. Мы уже высказывались на международной конференции относительно своего понимания времени возникновения такого явления, как «оренбуржец», отмечая при этом сложности и противоречия процесса [4].

Второй серьезной бедой местных исследований является их локальность — сосредоточение внимания исследователей на местных, локальных проблемах и темах. Объективно в локальности нет ничего плохого — обращение к местной тематике вполне логично. Столичные авторы по объяснимым причинам игнорируют частные факты, детали, подробности, не играющие принципиальной роли в обобщающих трудах. Но они приобретают особую ценность в работах местного уровня. Мы видим отрицательную сторону локальности исследований в замыкании на проблемах своего региона, а также отсутствии обмена информацией. Исследователи одного субъекта порой не знают, что делают в другом. Координация исследований оставляет желать лучшего. Существующие зональные центры не справляются с задачей. Так, центры уральского региона, типа БФАН или УрО, в принципе тоже локальны — Башкирский филиал Академии наук РФ в Уфе сориентирован едва ли не исключительно на башкирскую тематику, Уральский центр — проблемы Екатеринбурга и Свердловской области и т.п. Огромную помощь в углубленном изучении местной истории оказывают местные архивы. В итоге доступность и содержательность их становится определяющим фактором. Складывается своеобразный культ архивного поиска — признаком новизны публикации становится использование в ней ссылок на архивные документы.

В этом заключается суть третьей серьезной проблемы — преобладание работ краеведческого характера над работами исследовательскими. Приходится констатировать, что на протяжении вот уже более ста лет в региональной историографии (и южноуральская, конечно же, не исключение) определяющую роль играют работы прежде всего краеведческого плана. Традиция берет свое начало с авторов, публиковавшихся в «Трудах» Ученых архивных комиссий.

Разумеется, в краеведении — с его стремлением изучать родной край, малую родину и т.п. — много положительного. В принципе любую работу по местной тематике можно назвать краеведческой. Однако мы в данном случае под краеведением имеем в виду иную, особую методику работы. Историк-краевед, как правило, является не профессиональным исследователем, но любителем. Разумеется, это никак не ставит под сомнение его любовь к историческому прошлому, историческому поиску. Разница краеведа и исследователя, на наш взгляд, заключается во владении инструментарием исторического поиска, умении работать с фактом. Краеведы обычно абсолютизируют обнаруженный источник, берут его как едва ли не истину в последней инстанции. Самое большее, на что они оказываются способны, — это на собирание, порой весьма скрупулезное, фактов и их суммарное изложение. Но при этом практически отсутствует критика источников, анализ таковых. Краеведа увлекает реставрация прошлого — четкое изложение «как это было»; исследователя — изучение прошлого — если продолжить параллель: «почему это было и что из-за этого стало». Библиографический указатель литературы «Исследователи Оренбургского края», изданный областной библиотекой, четко разделяет на два раздела «исследователей» и «краеведов».

На наш взгляд, можно говорить о существовании исследований как бы двух уровней. Первый — первичный: накопление информации, приведение ее в систему, установление внутренней логики происходившего. Второй — более высокий, качественный: идет переосмысление информации, ее анализ, высокий уровень обобщений, привлекаются новые методы (например, социологические) и т.п.

Конечно, работы первого уровня ощутимо уступают работам второго, но они необходимы, поскольку аналитическая работа невозможна без серьезной информационной базы. Печальный факт, но в южноуральском регионе, например, и по сей день преобладают работы первого уровня.

Еще проблема — концептуальная завершенность истории регионов. На протяжении десятилетий концепция была одна, вариантам места не было в принципе. Основные направления задавались в столицах, на местах они только детализировались, подтверждались фактами. Давняя традиция жесткой ориентации на центр не может исчезнуть в одночасье, поскольку она формировалась долгими десятилетиями.

Задача уйти от старого, во многом несостоятельного, как показывает реальная жизнь, искаженно-марксистского понимания отдельных страниц нашей истории стоит достаточно давно. К сожалению, до настоящего времени этого не произошло. Более того, кризисные явления в исторической науке на периферии принимают, по нашему мнению, более глубокий и затяжной характер, чем в центре. Данная ситуация сложилась по ряду причин. Специфика научного творчества в провинции заключается, кроме всего прочего, в достаточно узком круге специалистов. Особенно остро это ощущалось в регионах, не имевших в советское время университетов, как, например, в Оренбуржье, и соответственно академического исторического образования.

Наступили новые времена, перед исследователями встали новые задачи. Изменение ситуации на местах — рост числа вузов, увеличение числа университетов и т.п. — совпало с общим методологическим кризисом исторической науки. Появились новые творческие возможности — доступ к новым источникам, отказ от догм и т.п. И вот здесь возникает очередной серьезный вопрос — есть ли в провинции силы использовать эти возможности должным образом?

Список использованной литературы

1. Сафонов Д. А., Лабузов В. А. Проблемы оренбургской историографии // История Отечества на рубеже веков: опыт, проблемы, пути, решения : материалы межрегион. научн.-практ. конф. Оренбург : ОГПУ, 2001. Ч. 1. С. 26—36.
2. Сафонов Д. А., Лабузов В. А. Что такое Оренбургский регион: к проблеме территориальных границ в исторических исследованиях // Уральские Бирюковские чтения : сб. науч. статей. Вып. 1. Актуальные проблемы краеведения. Челябинск, 2003. Ч. 1. С. 19—24.
3. Сафонов Д. А. Очерки историографии оренбургской истории. Оренбург : Оренбургская губерния, 2005. 362 с.
4. Сафонов Д. А. Быть оренбуржцем... // Реальность этноса. Образование и гуманитарные технологии интеграции этнической, этнорегиональной и гражданской идентичности : материалы X междунар. науч.-практ. конф. (С.-Петербург, 8—11 апр. 2008 г.) : в 2 ч. СПб. : Астерион, 2008. Ч. 2. С. 555—558.
5. Исследователи Оренбургского края: библиографический указатель литературы. Оренбург, 1993.

Поступила в редакцию 24.05.2014 г.

Сафонов Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: d_safonov@mail.ru

UDC 930.1(47)

D. A. Safonov

Problems and difficulties of historical regional studies

This article analyzes the situation with the current development of the historical regional studies in Russia. The author marks a number of problems the historians of the regions may face today. An attempt to analyze the causes of them and the ways of their solution is made.

Key words: regional studies, geographical scope of research, concept of local history, problems, regional consciousness.

Safonov Dmitriy Anatolievich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Orenburg State Pedagogical University,
460014, Russian Federation, Orenburg, ul. Sovetskaya 19
E-mail: d_safonov@mail.ru